

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

УДК 1:304

НЕУЧАСТИЕ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЕ ДЕЙСТВИЕ

© Г. В. Мелихов

Мелихов
Герман Владимирович
доктор философских наук,
доцент
профессор кафедры
социальной философии
Казанский
федеральный университет
(г. Казань)
e-mail: german.melikhov@kpfu.ru

В статье рассматривается проблематика неучастия с позиций, близких феноменологии повседневности А. Шюца. Утверждается, что в некоторых ситуациях единственно приемлемой формой социальной активности становится философствование, которое позволяет держаться ускользающего смысла происходящего и совпадает с необходимостью что-то не делать.

Ключевые слова: неучастие, философствование, действие, смысл, социальное, инстанция X, дистанция.

— Так что же делать? — забеспокоился Балаганов. — Как снискать хлеб насущный?
— Надо мыслить, — сурово ответил Остап. — Меня, например, кормят идеи.

И. Ильф, Е. Петров

От философа, кажется, ждут больше того, на что он способен.

После того как выяснилось, что «философских объяснений недостаточно» — мало думать о том, что тебе интересно, мало читать лекции и вести беседы со студентами, нужно еще и действовать, изменяя мир к лучшему, — от философа стали требовать того же, что и от всех остальных служащих — «партийности», активного участия и вовлеченности. Не важно, во что. В дела, мероприятия, в сообщества, группы, подгруппы... Потому как все это «к лучшему» и «другим во благо». Отовсюду раздаются призывы присоединяться, активно включаться, осваи-

вать, присваивать, бороться, отстаивать и пр., пр., пр. Мол, если ты не вовлечешься, то ничего и не поймешь — как же иначе узнать-то? Надо всё самому увидеть, потрогать. Оттого философ должен, просто обязан прийти и сделать. Приехать и занять чью-то сторону. Обозначить свою деятельную позицию. А то как-то нехорошо получается. Отгораживается человек. Особняком стоит.

Правда, позже стало ясно, что мир действительно меняется, но, увы, не всегда к лучшему, ибо те, кто больше всего требуют изменений и не отгораживаются, пекутся в основном о своих интересах — личных, родственных, групповых. А со всем прочим — как-нибудь обойдется. Мир — место столкновения интересов, поле непрекращающихся сражений. Интересы одного индивида против интересов другого, одной группы людей против другой.

Впрочем, успокоит кто-то, есть ли в этом что-то необычное?! Мы же реалисты. Прагматики. Так уж испокон веков заведено между нами, людьми. На этот случай у нас даже концепция есть: учение о потребностях — таких интересах, без удовлетворения которых нам жить никак нельзя. Так что это вопрос выживания. Остальное — сомнительные умозрения, чистая философия, игра вольного и безответственного ума.

И верно ведь, есть у нас и такие интересы. Все в общем правильно, только есть тут одна проблема.

Оглядимся вокруг. Все беспрестанно что-то делают. В полном согласии со своими интересами. Кто-то идет куда-то, кто-то — возвращается, кто-то что-то несет, кто-то — выносит. Все чем-то заняты. Даже лежа на диване, мы не перестаем трудиться: пишем, рассматриваем картинки, смотрим ютуб, читаем, снова пишем. Масса дел, тысячи и тысячи телодвижений. И все это — страшно подумать! — мы совершаем ежедневно, изо дня в день, без перерывов на обед (обед — тоже дело, причем наисерьезнейшее). Желая помочь нам, простым людям, философы (те из них, кто считает себя социальными теоретиками) решили назвать «действием» все, что в основе своей имеет осознанное намерение или ясно сформулированную цель¹. Другие дела, настаивают они, именуйте по усмотрению (пусть это будет «поведение», «активность» и т. д.). В таком случае просмотр ютуба с целью обучения будет «действием», а проглядывание видео просто так, без цели — «отдыхом». Помогло ли это людям? Вроде, да. Легче стало ориентироваться. Теперь мы знаем, кого можно назвать «лентяем». Лентяй — не тот, кто ничего не делает, а тот, кто делает что-то без цели — на данный момент нет у него своего интереса. С другой стороны, все стало еще хуже, ибо теперь мы понимаем, что даже с нашими «действиями с намерениями» не все в порядке. Упорно преследуя свои цели, мы все равно действуем там, где ничего не надо было делать, и не действуем тогда, когда это необходимо. Хотим одного, получаем совсем другое. Думаем, что помогаем, а на деле стремимся кому-то что-то доказать, оставаясь в убеждении, что именно этот интерес (помощь другим) и есть наша истинная потребность.

¹ «Исследуемый далее термин «действие», — пишет австрийский философ и социолог А. Шюц, — будет означать предварительно обдуманное действующим человеческое поведение, то есть поведение, основанное на заранее составленном проекте» (цит. по: Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. М., 2004. С. 22.

Вот незадача! Множество, просто неисчислимое количество совершаемых нами действий бесполезно; хорошо, если не вредно. Нет в них никакого смысла, кроме одного — своего, сермяжного. Захотел — сделал, и ладно! Всего-то.

Так не лучше ли отгородиться, постоять особняком?² Ну, в самом деле, не участвовать же во всем этом!

Сегодня значение имеет не вопрос о смысле действия, а вопрос о смысле приемлемого без-действия. Слишком уж много мы совершаем неуместных телодвижений.

* * *

Можно, конечно, и так считать: все должны подсобить нам. Тот же, кто не помогает, отгораживается. Стоит особняком. У него, видать, свои интересы. Значит, он — потенциальный противник, угроза нашим жизненным интересам. И ежели что, мы ответим, не дадим нанести ущерб себе. Наши интересы — против ваших интересов и т. д. и т. п. Подобный способ рассуждения хотя и распространенный, но не единственный.

Возможно ли такое участие в деле, в котором бы наши интересы присутствовали минимально, а смысл выполняемой работы — максимально? Не будет ли лучшим изменением то, которое вырастает из тишины глубинного понимания? Другими словами, не стоит ли вернуться к старому, доброму «философскому объяснению», которое стремится не изменять мир, но оставаться с ним (миром) в понимающем соответствии?

— Трудностей-то не убоитесь? Утопия ведь это.

— Очень даже может быть. Что ж, поговорим тогда о том, чего нет — об утопии неучастия. Именно этим — отсутствующим, но имеющим место быть — и занимается философия.

* * *

В современной и особенно в российской культуре неучастие истолковывается преимущественно негативно. Неучастие — достойное порицания отсутствие действий тогда, когда действовать крайне необходимо.

А действовать нужно всегда. Потому как «мы так решили».

— Вы все еще нам не помогаете?

— Позвольте, но неучастие может быть не отсутствием действий, а другим действием с иным смыслом и намерением. Вполне допустимо, что социальная активность может выступать в формах, которые внешне предстают как неактивность, не-действие в одном отношении, но не являются таковыми в другом отношении. Нельзя ли посмотреть на неучастие как на особую разновидность действия, только и возможного в некоторых ситуациях?

— Ясно. Стало быть, вы решили не помогать нам.

* * *

Первый пример неучастия: Конфуций.

Говорят, легендарному мудрецу Конфуцию принадлежат слова: благород-

² На некотором расстоянии и от творимого нами же самими.

ный человек живет в согласии с другими людьми, но не следует за ними³. Согласие не исключает дистанции. Шатко согласие, основанное на бездумном послушании и лояльности. «Единодушные» — неиссякаемый источник конфликтов. Достоинство уважения несогласие, избегающее конфронтации. Как установить дистанцию? Конфуций не раздает рецептов, хотя вряд ли он не знал о трудностях повседневного общения. Скорее всего он указывал на значимость определенного — устанавливающего дистанцию — понимания.

Нам советуют ладить со всеми людьми, но идти своим путем. Это не конформизм, поскольку в противном случае мы бы не говорили о необходимости идти «своим путем». Но это и не конфронтация, поскольку речь идет о стремлении «жить в согласии с людьми». Есть, следовательно, средний путь, пролегающий между конфронтацией и социальным конформизмом, который состоит в искусстве одновременного удержания установки на «согласие с другими людьми» и установки «идти своим путем». Очевидно, эти две, как кажется, разнонаправленные установки должны где-то сходиться. Где? В *мысли*, в самом конфуцианском изречении, понуждающем задуматься о смысле общения. Необходимо отойти в сторону, посмотреть на происходящее издали, с некоторого расстояния — вот мы со своими устремлениями, вот другие люди с их интересами. Как же следует поступить, не нанося существенного урона никому? Повседневное взаимодействие, если рассматривать его в терминах феноменологии повседневности или феноменологической социологии, устроено таким образом, что в качестве своего неперемного условия оно предполагает наличие некоей инстанции — источника и «места» пребывания смыслов, назовем ее «инстанцией Х», — задающей внешнюю позицию по отношению и к своим и к чужим интересам. Конфуцианский благородный человек не преследует в общении исключительно свои интересы. Скорее наоборот, он внимает (как бы поверх своих интересов) чему-то иному — «инстанции Х», источнику понимания, — которое позволять избегать или, если на то есть необходимость, осознанно и контролируемо принимать как конформизм, так и неизбежные конфликты.

Ладит со всеми и идет своим путем не тот, кто избегает необходимости что-то делать, но тот, кто пробует действовать «с некоторого расстояния», учитывая «интересы» «инстанции Х».

Философия издавна занималась тематизацией «инстанции Х». Дело-то у философа обычное, не лучше и не хуже других. Разве что непопулярное —

³ Полная и наиболее распространенная формулировка данного афоризма имеет следующий вид: «Благородные живут в согласии с другими людьми, но не следуют за ними, низкие — следуют за другими людьми, но не живут с ними в согласии» (см.: *Кожевников А. Ю., Линдберг Г. Б. Мудрость веков Востока*. СПб., 2006. С. 213). В переводе Б. Виноградского мысль Конфуция выглядит так: «Благородный человек, даже если не ладит с другим, не уподобляется ему, а маленький человек, и, уподобляясь, не ладит» (см.: *Конфуций. Рассуждения в изречениях: В переводе и с комментариями Бронислава Виноградского*. М., 2013. С. 119). В переводе Л. С. Переломова эта же мысль звучит иначе: «Благородный муж стремится к единству через разномыслие, но не стремится к единству через послушание. Маленький человек стремится к единству через послушание, но не стремится к единству через разномыслие» (см.: *Переломов Л. С. Конфуций*. Лунь юй. М., 1998. С. 396).

слишком уж много беспокойств с ней связано. Философия — вопрошание, имеющее в виду двоякую цель: установление дистанции и прояснение смысла. Только все наладилось, стало все получаться, тут тебя останавливают и спрашивают: что ты делаешь? В чем смысл твоих действий? Странные вопросы: вот результат работы — посмотрите, что у меня есть. А что имеется у вас? Это и есть смысл. О чем еще говорить?

Неучастие Конфуция в повсеместно одобряемой активности связано с его занятостью другим делом — философским вопрошанием.

* * *

Второй пример неучастия: доктор Живаго.

Доктор Живаго — один из главных героев одноименного романа Б. Пастернака⁴ — волею случая оказался в плену у партизан и вынужден участвовать в бою на их стороне. На стороне противника — кадеты, совсем дети, идущие в поле цепью под шквальным огнем партизан, не пригибаясь и не прячась от пуль (этого делать нельзя, что подумают обо мне товарищи). И, конечно, все они погибают (за исключением одного). Живаго принимает бой, но отказывается стрелять, у него нет чувства классовой ненависти. Доктор пускает пули в воздух, хотя и случайно ранит одного молодого человека, которого сам же потом и выходит. Доктор Живаго — философствующий вне философии⁵, он действует «с некоторого расстояния», внимая «инстанции X», а не своим интересам или интересам своей референтной группы.

Феноменологическая социология, как отмечалось выше, различает поведение и действие. Ее предметом выступает последнее, поскольку включает в себя смысл и намерение. Феноменологическое понимание действия восходит к общеизвестному учению М. Вебера, который говорил о четырех типах действий: традиционном, аффективном, целерациональном (или инструментальном) и ценностно-рациональном. Традиционные действия — действия, совершаемые потому, что так все поступали в прошлом. Аффективные — те, которые имеют своей целью выражение эмоций. Более всего М. Вебера интересовали два последних типа действий. Целерациональные действия — действия, при которых актер или деятель включает в свои действия размышления о цели, ее оценку и размышление о средствах достижения этой цели и их оценку. Ценностно-рациональные действия включают в себя восприятие цели как чего-то самодостаточного для нас, и в этом случае размышление о средствах, их сравнение (в некоторых ситуациях) представляется излишним. «Почему ты это сделал? Не могу иначе». Таким образом, М. Вебера интересовали индивидуальные действия, опирающиеся на размышление и ценности, то есть на смысл. Ряд современных авторов полагают действие иначе: индивидуальный (субъек-

⁴ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3 / Б. Пастернак. М., 1990. 734 с.

⁵ В смысле вольного, неакадемического философствования, осознанного нежелания воссоединяться (или не воссоединяться) с господствующими системами умозрений. Не было у Ю. А. Живаго такой проблемы: внять «основным тенденциям» современной мысли.

тивный) аспект действия рассматривается как вторичный эффект тех или иных практик, систем или коммуникации. Это не наш случай. Доктор Живаго не видел в детях врагов, хотя они и стреляли в него. И не только потому, что он сам некогда принадлежал их обществу и хорошо понимал, с кем имеет дело. Живаго не стрелял и не потому, что размышления встраивали его в какой-то «дискурс» (что несомненно). Помимо всего этого, им двигало индивидуальное решение: он считал, что поступать иначе не может. По классификации М. Вебера решение Живаго не стрелять относится к ценностнорациональным действиям⁶.

А. Шюц, основатель феноменологической социологии, выделял еще один важный аспект действия — рефлексивность. Он предлагал различать мотивы действий: «для того, чтобы» (цели, будущее) и «потому, что» (возможная отсылка к прошлому). Собственно социальным А. Шюц полагал действие как поведение, обращенное в будущее, включенное в поток переживаний, существенной частью которого является знание мотивов своих поступков.

Неучастие доктора Живаго в одном отношении (образ мыслей и действий партизан и их предводителя) предстает как не-действие, отказ от действий, а в другом отношении (собственное видение ситуации и убеждения) — как намеренное рефлексивное действие.

Осознанное действие дистанцирующего неучастия оказалось для Юрия Андреевича единственно возможным выбором.

* * *

Третий пример неучастия («от противного»): Михаил.

В пьесе А. Вампилова «Старший сын»⁷ есть сцена знакомства жениха Нины, Михаила, с ее отцом, Сарафановым. Михаил — человек принципиальный. Он взял себе за правило никогда не опаздывать и всегда говорить только правду. Этим установлениям он следовал беспрекословно. В свою очередь в семье Сарафановых были свои традиции, одна из которых — семейная тайна, секрет Полишинеля, о котором, как водится, все знали, но помалкивали, боясь поставить друг друга в неудобное положение. Дело в том, что Сарафанов-старший не по своей воле оставил работу в филармонии, где он играл в оркестре, и в настоящее время подрабатывал игрой в кинотеатре и на похоронах, но признаться в этом своим детям ему было неловко. Одним словом, дети оберегали отца, он — их, а Михаил своей «принципиальностью» нарушил заведенные порядки, вынудив Сарафанова раскрыть секрет Полишинеля. Казалось бы, Михаил прав, он стремится говорить правду, на самом же деле он поступает неумно, нетактично, без спроса вторгаясь на «чужую территорию».

Михаил «не держит дистанцию» и нарушает всевозможные балансы (баланс того, что можно и нельзя говорить, баланс учета своих и чужих интере-

⁶ М. Вебер считал, что в чистом виде ни один тип действия не существует, в реальности они перемешаны. Так Живаго, оставаясь верным своему пониманию жизни, вынужден был принимать продуманные решения, соотнося цель, средства и коммуникативный контекст. Все же он находился в плену, хотя и располагал относительной свободой передвижения.

⁷ Вампилов А. В. Старший сын. М., 2008. С. 5—99.

сов и т. д.). Он действует самочинно, с полным сознанием своей правоты. Михаил — противоположность доктору Живаго. При всей сложности своей ситуации (нахождение в плену у партизан) Юрий Андреевич стремится, насколько это возможно, сохранить равновесие. Он не конфликтует с людьми противоположных взглядов (одним из таковых выступает предводитель «Лесных братьев» Ливерий Микулицын) и не отказывается от своих убеждений (именно потому Ливерий любил с ним побеседовать). Михаил не конформист, у него есть жизненные принципы, но своими неуклюжими действиями он провоцирует вокруг себя конфликты. Ему явно не хватает понимания, вытекающего из какого-то иного (возможно, философского) отношения к жизни.

Правдивая речь в качестве своего условия предполагает знание контекста, учет всевозможных писанных и неписанных правил. Неучастие может принимать форму отказа что-то говорить до прояснения всех обстоятельств. Неучастие в этом случае совпадает с дистанцирующим умолчанием. Рефлексивное молчание (основанное на размышлении и оценке коммуникативной ситуации) — существенный элемент правдивой речи. Правдивая речь опирается на сопутствующее ей (у)молчание, связанное с внимательным всматриванием в контекст ведущегося разговора и в его участников.

Михаил ставит принципы выше своих интересов, но истинного их (принципов) смысла он не видит. Его поведение напоминает действие хорошо отлаженного механизма, исправно, но вхолостую — или, того хуже, во вред окружающим — выполняющего свою работу.

* * *

Инстанция X.

Неучастие — рефлексивное действие, вытекающее из намерения сохранить присущее всему равновесие в ситуации, когда не имеет смысла действовать, подчиняясь принятым в окружении установкам и правилам.

Неучастие зиждется на философском отношении к миру, суть которого — баланс, мера, которые не заслоняют даже неуместные людские действия. Это хорошо понимал Конфуций, с ним согласился бы Гераклит (мир — вечно живой огонь, *мерно* возгорающийся и мерно угасающий⁸), которого с некоторыми оговорками поддержали бы не склонные к крайностям Декарт и Кант⁹.

Философствующий старается действовать неучаствуя, он ищет равновесия. Равновесие поддерживается дистанцированием. Нужно жить в согласии с людьми, но не следовать за ними. Предметный смысл разъединяет — этот думает так, а тот иначе. Дистанция выводит из сферы привычного и при желании позволяет навести мосты. Если бы Михаил вовремя остановился, подумал и промолчал, он бы выпал из заданности своего поведения. Контакт с

⁸ «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся и мерно угасающий» (цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 217.

⁹ Ну, а мудрецы нынешние имеют склонность думать иначе. Каким же мир является «на самом деле», это, видимо, придется установить каждому самостоятельно.

окружающими был бы установлен. Доктор Живаго, не находясь ни с кем (ни с партизанами, будучи рядом с ними; ни с кадетами, располагаясь вдалеке от них), деятельно помогает и тем, и другим. Доктор поддерживал людей, а не носителей различных мировоззренческих систем.

«Инстанции X» создает дистанцию. Пожалуй, «инстанция X» и есть само дистанцирование. И это все, что стоит сказать о ней. Мы знаем об «инстанции X» косвенно, по эффектам ее воздействия на нас.

Философствование ищет опоры в изначальном. Феноменологическая социология, будучи теорией, опредмечивает изначальное, полагая его в качестве особого рода объекта, с которым можно что-либо сделать. А. Шюц был прав (с феноменологической точки зрения), считая понимание существенной частью социального взаимодействия. С ним можно согласиться и тогда, когда он утверждал, что «социальное» конституируется смыслами – «точками зрения», «взглядами», «обыденными представлениями» и пр. Но А. Шюц, грубо говоря, свел «действие» к намерениям и целям, а смысл – к «точкам зрения» и «взглядам» – тому, что можно объективно распознать и подвергнуть всестороннему анализу (тогда мы узнаем природу того или иного (со)общества)¹⁰. Из этого допущения вытекало представление о социальном взаимодействии, в основе своем содержащем конфликт (а не искомое равновесие)¹¹. Социальное взаимодействие предстает как столкновение действующих людей, у каждого из которых свои цели, намерения и интересы. Это реалистическая, но ограниченная точка зрения. Она исключает дистанцирование из области действия. Действие с пониманием включает в себя, помимо присвоения смысла (намерения, цели), дистанцирование: мы стремимся исключить абсолютизацию предметного смысла. Наши действия могут содержать дополнительный, непрямой, косвенный смысл, в котором выражается другое восприятие мира, свойственное Конфуцию, доктору Живаго или Канту, и которого был лишен неумоимо активный Михаил.

Метафизика изначальное в социальных связях видит не в действиях, совершаемых с опредмеченными в целях, интересах, намерениях и пр. смыслах, а в том, что создает дистанцию (по отношению к опредмеченному). Метафизика (социального) полагается на непредметное. Назовем, к примеру, «сознанием» хранилище субъективных состояний и смыслов, с ними связанных¹². Если мы говорим: «Сознание – это...», мы даем характеристику самого сознания или одного из его состояний, в котором мы находимся, делая подобное утверждение? Различение «состояний сознания» и «сознания как такового» позволяет развести «предметный смысл» – смысл радости, смысл узнавания, печали и т. д. и «непредметный смысл» – смысл сознания как «инстанции X»: радость как состояние *сознания*, узнавание как состояние *сознания*.

¹⁰ Социальному теоретику нужны факты, на которые он будет опираться в своих исследованиях.

¹¹ Безусловно, «взгляды» и «точки зрения» могут быть общими, а не индивидуальными. Тогда возможен конфликт между социальными группами.

¹² «Хранилище субъективных состояний» не обязательно само должно быть только субъективным.

В «состоянии сознания» проявляется «сознание» в качестве некоего X — умо-рительного «места» хранения состояний и смыслов, смысла бытия смыслов, на который мы можем указать лишь косвенно, *допустив* его существование. Сознание — пример имеющего место быть отсутствия.

Метафизика — искусство обращения с непредметным, непредставимым¹³. Феноменологическая социология указывает на необходимость действия с пониманием намерения и цели, метафизика (социального) напоминает об ограниченности любого действия, если оно не рассматривается в свете дистанцирующих эффектов.

Мастером дистанцирующего философствования был Кант. Проясняя смысл прекрасного, он говорит о таких свойствах эстетического суждения, которые указывают на «инстанцию X» с ее дистанцирующими эффектами. Возьмем «первый момент суждения вкуса». «Вкус есть способность судить о предмете или о способе представления посредством благоволения или неблаговоления, *свободного от всякого интереса*. Предмет такого благоволения называется прекрасным¹⁴. Эстетическое суждение предполагает дистанцию, невмешательство, неучастие. Мы воспринимаем прекрасное и судим о нем в особом расположении духа (или, если угодно, в особом расположении сознания), будучи индифферентными по отношению к себе — своим интересам, интересам чувств или интересам разума. Хотя Кант и говорит о том, что суждение вкуса субъективно, поскольку в нем мы соотносим представление «не с объектом познания посредством рассудка, а с субъектом и испытываемым им чувством удовольствия или неудовольствия»¹⁵, субъективность на деле ставится здесь под вопрос: чувство удовольствия сопровождает явление формы предмета как таковой¹⁶. Красота, равновесие, гармония — все это достояние не мира с его «фактами» и «интересами», но «сферы свободы». А. Шюц сказал бы, что здесь мы имеем дело со сферой смысла. Тогда дистанцирование открывает смысл. Не новый смысл или старый, полезный или нет. Просто смысл.

Еще один эффект, связанный с дистанцированием, описан Борисом Пастернаком. Доктор Живаго опять оказался в Варыкине. Рядом его возлюбленная, он счастлив. Приходится много работать «по дому», но эта работа не тяготит его. Дорога каждая минута, Живаго не терпит сеть писать. Был час ночи. Истосковавшись по *этой* работе, доктор «воспринимал все совершавшееся сквозь пелену разнеженного и всеобобщающего внимания... Юрия Андреевича окружала блаженная, полная счастья, сладко дышащая жизнью тишина. Свет лампы спокойной желтизной падал на белые листы бумаги и золотистым бликом плавал на поверхности чернил внутри чернильницы. За окном голубе-

¹³ Потому, вероятно, и уместен термин «инстанция X», не отсылающий ни к какому предметному смыслу.

¹⁴ Кант И. Критика способности суждения // Сочинения в 8 т. Т. 5 / И. Кант. — М., 1994. С. 48.

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ Разумеется, данное суждение имеет смысл лишь в контексте кантовского трансцендентализма. Мы воспринимаем мир в формах, которые услужливо предлагает нам наш же воспринимающий аппарат.

ла зимняя морозная ночь. Юрий Андреевич шагнул в соседнюю холодную и неосвещенную комнату, откуда было виднее наружу, и посмотрел в окно. Свет полного месяца стягивал снежную поляну осязательной вязкостью яичного белка или клеевых белил. Роскошь морозной ночи была непередаваема. Мир был на душе у доктора»¹⁷. Как так? Вокруг чудовищная разруха, идет гражданская война, тысячи и миллионы людей двигаются, подчиняясь каким-то нелепым законам бытия, требующим немедленного и беспрекословного изменения общественного уклада. Доктор этого не знает? Он живет на отшибе, в стороне от свершающегося? Мир устроен сложно, и в нем, кажется, мало правды. Но почему же Юрий Андреевич видит то, чего не замечают другие люди — великолепие *этого* мира? Как удалось этому человеку, через столько прошедшему, остаться верным самому себе? Доктор Живаго принялся за работу и через какое-то время испытал приближение того, что называется вдохновением. «В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, а именно: состояние мировой мысли и поэзии и то, что ей предназначено в будущем, следующий по порядку шаг, который предстоит ей сделать в ее историческом развитии. И он чувствовал себя только поводом и опорной точкой, чтобы она пришла в это движение»¹⁸. Может быть, доктор, не исключено несколько самонадеянно, считал себя «поводом и опорной точкой» со всем других «законов» — не было у него желания изменять все разом и «к лучшему»? Или это не самонадеянность, а доверие смыслу, рождающемуся в тишине «разнеженного и всеобобщающего внимания», в котором значение имеет все, кроме тебя самого?

Доктор Живаго действовал неучаствуя, доверяясь дистанцирующей инстанции, запускавшей какие-то загадочные механизмы, которые позволяли вернуться таинству письма: язык сам начинал думать и говорить за человека. Другое слово для этого таинства — спонтанность.

Метафизика (социального), тематизируя в действии непредметное, выявляет само-действующее или спонтанное.

Неучастие — не обязательно чей-то выбор. Неучастие просто случается. Кто-то выбирает жизнь в смысле, неучастие — непреднамеренный эффект этого выбора.

* * *

Феноменологическая социология связывает действие с намерением и смыслом. Намерения у людей бывают разными, потому и смысл взаимодействия разнится от случая к случаю. Остап Бендер, по свидетельству И. Ильфа и Е. Петрова, знал примерно четыреста способов сравнительно честного отъема денежных знаков у гражданского населения¹⁹. *Реальность* социального взаимодействия задают смыслы, которые вряд ли разумно редуцировать к нашим

¹⁷ Пастернак Б. Указ. соч. С. 430.

¹⁸ Там же. С. 431.

¹⁹ «Отъем и увод денег варьируется в зависимости от обстоятельств. У меня лично есть четыреста сравнительно честных способов отъема» (см.: Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. Полная версия романа. СПб., 2014. С. 92).

собственным целям и намерениям. Это очевидно. Тем не менее часто мы действуем именно так. Если уж что-то делать, так с пользой для себя или со своим интересом! «Это как вам угодно!» — заметил бы здесь доктор Живаго. Ну, а мне, соглашаясь с Юрием Андреевичем, подумал бы Кун-цзы, как никогда уместным представляется действие неучастия — доведение философствования до единственно возможной социальной активности, цель которой — дис- танцирование или удержание нередуцированного отношения к смыслу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
2. Кожевников А. Ю., Линдберг Г. Б. Мудрость веков Востока. Санкт-Петербург : Издательский дом «Нева», 2006. 544 с.
3. Конфуций. Рассуждения в изречениях: В переводе и с комментариями Бронислава Виноградского. Москва : Эксмо, 2013. 224 с.
4. Переломов Л. С. Конфуций. Лунь юй. Москва : «Восточная литература» РАН, 1998. 588 с.
5. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3 / Б. Пастернак. Москва : Художественная литература, 1990. 734 с.
6. Вампилов А. В. Старший сын. Москва : АСТ : Астрель : ХРАНИТЕЛЬ, 2008.
7. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Москва : Наука, 1989. 576 с.
8. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения в 8 т. Т. 5 / И. Кант. Москва : Чоро, 1994. 414 с.
9. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. Полная версия романа. Санкт-Петербург : Азбука, 2014. 512 с.